

УДК 812 82 (1–87)

А.В. Тарарак**«РОСЛАВЛЕВ» А.С. ПУШКИНА И ЕВРОПЕЙСКИЙ
НАПОЛЕОНОВСКИЙ МИФ**

Осмысляя особенности интерпретации наполеоновской темы в поэзии А.С. Пушкина, О.С. Муравьева приходит к выводу о том, что «попытка сформулировать основные положения пушкинской трактовки наполеоновской темы оказывается непростым делом. Получается, что Наполеон у Пушкина представлен в нескольких вполне банальных образах – «враг» и «злодей», романтический герой, социально-исторический типаж. <...> И если мы сформулируем в общих чертах позицию Пушкина по этим вопросам, она не покажется особенно оригинальной» [7, с. 31]. Вместе с тем, на наш взгляд, она оказывается все же весьма оригинальной и в поэзии, образы которой плодотворно использованы последователями А.С. Пушкина, и особенно в прозе, где феномен Наполеона осмысляется в широком историософском контексте. Цель статьи состоит в том, чтобы показать особенности полемики А.С. Пушкина с концепцией М.Н. Загоскина, воплощенной в его романе «Рославлев, или Русские в 1812 году». А.И. Грушкин еще в 1941 г. отмечал, что пушкинское произведение недостаточно изучено и требует внимания исследователей [1, с. 323]. С тех пор, конечно, предприняты попытки его осмысления [3; 4; 5; 6; 9], однако оно не рассматривалось в связи с интерпретацией А.С. Пушкиным европейского наполеоновского мифа.

Именно этот аспект, на наш взгляд, представляется актуальным и важным. Дает он возможность видеть и реакцию самого М.Н. Загоскина на настроения, царившие в России в отношении Наполеона, воссозданные сквозь призму новых социокультурных реалий, и его позицию в общественно-политических спорах 1830-х гг. Говоря иначе, перед нами – два взгляда на масштабное историческое событие, осмысленное через частную жизнь, и определяющих специфиче-

ские ценностные установки. Их анализ помогает судить и о судьбах романтической и реалистической реакции на мифологизацию героя.

Пушкинская повесть не завершена, однако сохранившийся текст свидетельствует обо всей ее полемической заостренности. Заглавием, повторяющим первую часть названия романа М.Н. Загоскина, а также почти каждым абзацем А.С. Пушкин «перелицовывает» загоскинский текст. Но его цель, по-видимому, состояла не в том, чтобы написать пародию на напыщенные и ходульные образы, а в том, чтобы переосмыслить саму концепцию современника, утверждавшего: «...хотя наружные формы и физиономия русской нации совершенно изменились, но не изменились вместе с ними: наша непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне» [2]. Другими словами, русским приписывается служение самодержавию, православию и народности, сформулированным приверженцами «официальной народности». А.С. Пушкин последовательно оспаривает и квасной патриотизм, и бессмысленное восхищение кумиром, и отрицание высоких достижений европейской науки, искусства и просвещения, начиная с отсылки к предисловию М.П. Загоскина. Собственно говоря, он пишет повесть о русских европейцах. Героиня, от лица которой идет повествование, признается: «Читая "Рославлева", с изумлением увидела», что «завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном. Некогда я была другом несчастной женщины, выбранной г. Загоскиным в героини его повести» [8, с. 69]. Таким образом, А.С. Пушкин делает ее свидетельницей и участницей событий, описанных М.Н. Загоскиным, приятельницей его героини, Полины, и сестрой ее жениха, а это позволяет описанные в романе события показать с иной точки зрения.

Роман «Рославлев, или Русские в 1812 году» М.Н. Загоскина открывается картиной повсеместной галломании в преддверии войны. Рославлев и его приятель видят французские магазины, слышат французскую речь, спорят о достоинствах французской политики, экономики и просвещения. Герой тяготеет атмосферой светских салонов, в которых видит «кого-нибудь из чиновников француз-

ского посольства»: «Уж это не лавочники из французского магазина; послушал бы ты, как они поговаривают о России!.. Несколько раз я ошибался и думал, что дело идет не об отечестве нашем, а о какой-нибудь французской провинции. Ну, поверишь ли? Вот так кровь и кипит в жилах – терпенья нет! А хозяйка... Боже мой!.. Только что не крестится при имени Наполеона» [2]. В уста Рославлева автор вкладывает слова о верности русских незабываемым основам жизни: «...тридцать миллионов русского народа, говорящих одним языком, исповедающих одну веру, могут легко истребить многочисленные войска вашего Наполеона, составленные из всех народов Европы» [2], противопоставляет героя и легкомысленным соотечественникам, и заносчивым французам, и представителям дворянства, и мужикам, чтобы продемонстрировать настроения в обществе и подчеркнуть твердость патриотических взглядов Рославлева.

У А.С. Пушкина в центр повествования выдвинут образ Полины, а не Рославлева, о котором сестра говорит, что этот «двадцатидвухлетний малый принадлежал сословию тогдашних франтов: он считался в Иностранной Коллегии и жил в Москве, танцуя и повесничая» [8, с. 70]. В отличие от загоскинского героя-резонера, пушкинский Рославлев в начале войны «дурачился в гостиных», позднее «вступил в Мамоновский полк» [8, с. 76] и сумел проявить подлинный героизм и любовь к родине позднее: из повесы он превратился в настоящего героя войны 1812 г. Таким образом, Рославлеву не обязательно было произносить напыщенные речи о любви к отечеству, как это делал загоскинский персонаж, а выразить ее делом. Полина, в которой «было много странного и еще более привлекательного» [8, с. 70], проявила невиданный патриотизм и заинтересованность политикой и военной стратегией, оставаясь в глубоком тылу. Подобно выдающимся русским женщинам, она умела быть поддержкой тем, кто защищал родину, не переодеваясь в мужицкую одежду и не украшая своих покоев элементами народного быта.

Правда, пушкинская героиня читала по-русски так же мало, как и героиня М.Н. Загоскина: его Рославлев вспоминает, что читал Полине и ее сестре «Матильду, или Крестовые походы». Герой этого ро-

мана французской писательницы М. Коттень был кумиром романтических барышень XIX в. Полина А.С. Пушкина тоже «чрезвычайно мало читала, и без всякого разбора» [8, с. 70]. В ее доме были книги XVIII века, «французская словесность, от Монтескье до романов Кребильона, была ей знакома. Руссо знала она наизусть. В библиотеке не было ни одной русской книги, кроме сочинений Сумарокова, которых Полина никогда не раскрывала» [8, с. 70]. Не была она знакома с русскими газетами, а также не стремилась прочесть стихотворений, которые дарили ей московские поэты. Однако подобную невежественность, которую М.Н. Загоскин осуждает в своей героине и которая является проявлением ее космополитизма, А.С. Пушкин объясняет скудостью русской литературы.

Он делает отступление, в котором отражены его взгляды литературного критика. Приведем его полностью. «Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас, бедных, за то, что мы по-русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. (NB: Автору "Юрия Милославского" грех повторять пошлые обвинения. Мы все прочли его, и, кажется, одной из нас обязан он и переводом своего романа на французский язык). Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но нельзя же ото всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе имеем только "Историю Карамзина"; первые два или три романа появились два или три года назад, между тем как во Франции, Англии и Германии книги одна другой замечательнее следуют одна за другой. Мы не видим даже и переводов; а если и видим, то воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для наших литераторов. Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы. Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы русские книги, похожи на жалобы русских тор-

говок, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлера и не довольствуемся произведениями костромских модисток» [8, с. 71]. Таким образом, интерес Полины к французской литературе объясняется не ее галломанией, а состоянием литературы русской. Однако это отступление, конечно, сделано не только для оправдания взглядов главной героини. А.С. Пушкин откликается уже не столько на текст загоскинского романа, в котором, напомним, вершиной русского чтения объявляется одна из пропагандистских ростопчинских брошюр, но и на споры о судьбах русской литературы, развернувшиеся в периодической печати в 1830-х гг. Не случайно в 1836 г. В.Г. Белинский, дав в «Литературных мечтаниях» краткий обзор развития русской словесности, восклицает, что «у нас нет литературы!». И речь шла не о том, что нет выдающихся писателей и поэтов, – он первым называет А.С. Пушкина, – а в том, что нет литературы как совокупности произведений, выражающих национальное самосознание. Именно потому в пушкинском «Рославлевле» возникает тема засилия французской литературы: она выразила национальный дух, дала выдающиеся образцы во всех литературных родах и обусловила высокий уровень публицистики, критики и пр. Русской словесности еще предстояло пройти свой собственный путь.

А.С. Пушкин углубляет эту тему, делая героиню свидетельницей приезда в Россию Ж. де Сталь, личного врага Наполеона и выдающейся писательницы. Московское общество не было способно оценить масштаб ее личности, видя в ней «пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам. Тон ее не понравился, речи показались слишком длинны, а рукава слишком коротки» [8, с. 71]. Разговор за обедом был бессмысленным и пустым, и это привело Полину в негодование: «Я сгорела со стыда и готова была заплакать... Но пускай, – с жаром продолжала Полина, – пускай она вывезет об нашей светской черни мнение, которого они достойны. По крайней мере, она видела наш добрый простой народ и понимает его. Ты слышала, что сказала она этому старому, несносному шуту, который из угождения к иностранке вздумал было смеяться над русскими бородами: "Народ, который, тому сто лет отстоял свою бороду, отстоит

в наше время и свою голову”. Как она мила! Как я люблю ее! Как ненавижу ее гонителя!”» [8, с. 72]. Последнее восклицание Полины свидетельствует о ее действительных убеждениях: она ненавидела Наполеона как притеснителя Ж. де Сталь и завоевателя, несмотря на то, что в обществе царили совершенно иные настроения: «Подражание французскому тону Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. <...> Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобных» [8, с. 74]. Но как только наполеоновская армия пересекла русские границы, «гостиные наполнились патриотами»: «... кто высыпал из табакерок французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи» [8, с. 74]. Галломания сменилась таким же поверхностным и пустым патриотизмом, означавшим, на самом деле, не решимость выступать на защиту отечества и разделить невзгоды, которые его ожидают, а уехать от неудобств войны «в саратовские деревни».

И здесь Полина представлена девушкой выдающихся качеств: она на людях так же, как и прежде, говорила по-французски, не опасаясь доносов, осмеивала показной патриотизм, по достоинству оценивала мощь вражеской армии и ее главнокомандующего. Примерами подлинного мужества для нее были Ж. де Сталь, с которой Наполеон «боролся, как с неприятельскою силой», Шарлотта Корде, Марфа Посадница и княгиня Дашкова, а также дворяне, жертвовавшие в фонд победы над Наполеоном своим состоянием. Напомним, что в романе М.Н. Загоскина русские дворяне, родственники Полины, травили зайца и устраивали пышные обеды, когда враг стоял у ворот.

Откликается А.С. Пушкин и на любовную линию в романе «Рославлев, или Русские в 1812 году». Героиня М.Н. Загоскина любила пленного француза Сеникура и тайно венчалась с ним в кладбищенской церкви, предав веру отцов и привязанность Рослав-

лева. Это обусловило ее жалкое положение русской жены врага отечества, привело к смерти мужа, ребенка, к собственной гибели. А.С. Пушкин называет возлюбленного Полины Синекуром и делает его выдающимся человеком, которого только и могла полюбить героиня: «Полина, которой надоели и трусливые предсказания, и глупое хвастовство наших соседей, жадно слушала суждения, основанные на знании дела и беспристрастии» [8, с. 78]. Интересно, что А.С. Пушкин противопоставляет официальной версии пожара Москвы, устроенного, якобы, вошедшими войсками, мнение, закрепившееся в историографии. Синекур настаивает, что город пожертвован самими его защитниками ради победы над Наполеоном: «Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; – говорит Синекур, – никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу» [8, с. 79]. Возлюбленный героини по достоинству оценивает мощь русского духа, понимает, что нашествие на Россию было для Наполеона роковым решением: «Боже мой! Он погиб, – сказал Синекур; – как, разве вы не видите, что пожар Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону негде, нечем будет держаться, что он принужден будет скорее отступить сквозь разоренную, опустелую сторону при приближении зимы с войском расстроеным и недовольным!» [8, с. 79]. И если загоскинская героиня полюбила француза лишь потому, что недостаточно любила и понимала свою родину, то Полина А.С. Пушкина сумела во французском подданном оценить ум, основательность, образованность и понимание своей участи.

Синекур оказывается более достойным, чем окружавшие героиню представители русского дворянства. Как полагает А.И. Грушкин, «Синекур потому и представлен положительным персонажем, что, будучи преданным Наполеону, он в то же время не ослеплен его временными успехами, он с трезвой объективностью понимает опасности, которыми чревата завоевательная политика Бонапарта, и в русском народе видит не толпу „варваров“, а достойную уважения силу. Его устами говорит голос подлинно просвещенной Европы, умеющей ценить русский народ не в пример великосветским „обе-

зьянам просвещения“» [1, с. 335]. Пушкинские герои, как и многие их современники, видели во Франции удивительный пример социальных и политических изменений, произошедших на глазах одного поколения.

Каждый этап блистательного восхождения Наполеона они воспринимали с восхищением и страхом, что, однако, не мешало дворянскому сословию говорить на его языке, следовать моде, задаваемой его страной, читать литературу, созданную французскими писателями. Когда же герой оказался завоевателем, подлинный отпор ему сумели дать лишь мужики, а не лучшие представители русского общества, каковым принято было считать дворянство. Лживая характеристика, данная ему автором «Рославлева», оборачивается у А.С. Пушкина точной и тонкой иронией, а выдвижение в центр повествования образа выдающейся женщины дает возможность показать подлинно европейские взгляды на патриотизм, просвещение и пр. В отличие от М.Н. Загоскина, он видел русских нацией европейцев, а не бездумно твердящих о святости самодержавия, православия и народности, что так навязчиво подчеркивается в «Рославлеве». Победу в 1812 г. одержали не те русские, которые произносили напущенные фразы о служении «матушке Руси», находясь в тылу, а те, кто выполнял трудную работу защиты отечества.

А.И. Грушкин справедливо писал о том, что «героизм двенадцатого года отнюдь не воспринимался Пушкиным как героизм дворянства. Русское дворянство и на фоне этой героической эпохи лишено в глазах Пушкина героического ореола. „Ожесточившийся“ народ, „добрый, простой народ“, не изображен в „Рославлеве“, но вера в народ, в его прекрасные качества, окрашивает пламенные речи Полинны. <...> „Рославлев“ – сильнейшее в русской литературе (и до Льва Толстого вряд ли не единственное) разрушение официозной легенды о двенадцатом годе, стремившейся использовать победу русского народа во время Отечественной войны для возвеличения самодержавной и крепостнической России. „Рославлев“ Пушкина это в то же время значительнейшая декларация пушкинского патриотизма, отрицающего лживый, лицемерный псевдопатриотизм так называемой

„официальной народности“» [1, с. 337]. Разумеется, к такому выводу можно прийти лишь с учетом той социокультурной ситуации, в которой писалось пушкинское произведение. Вместе с тем можно говорить о том, что поэт дает собственный, русский ответ на миф о герое, обнаруживая равнодушие к бонапартизму («мы все глядим в Наполеоны»), и внимание к проблеме индивидуализма. Отсутствие у поэта стройной «наполеоновской» концепции, поддающейся четкому формулированию, имеет и обратную сторону. Сильно упрощая можно сказать, что русская литература в произведениях своих лучших и второстепенных писателей разрабатывает ту или иную сторону пушкинского отношения к европейскому наполеоновскому мифу.

Литература

1. Грушкин А.И. Рославлев / А.И. Грушкин // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии [АН СССР. Ин-т литературы]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – [Вып.] 6. – С. 323-337.

2. Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году [Текст] / М.Н. Загоскин. – М.: Художественная литература, 1980. / Origin: проект О.В. Полякова «1812 год». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/HIST/ZAGOSKIN/roslawlew.txt>.

3. Зыкова Е.П. Вальтер Скотт и исторический роман М.Н. Загоскина / Е.П. Зыкова // Материалы «круглого стола» в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (19 июня 2007 г.). – М., 2007. – С. 5-9.

4. Ильинская И. Стоит ли «воскрешать» Загоскина? / И. Ильинская // Нева. – 1957. – №1. – С. 19-26.

5. Короткова С.Л. М.Н. Загоскин и Н.В. Гоголь: биографические и художественно-творческие параллели: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.01.01. «Русская литература» / С.Л. Короткова. – Саратов, 1999. – 210 с.

6. Ложкин Б.Е. Романы М.Н. Загоскина конца 1830-х – начала 1840-х годов как художественный итог творчества писателя: автореф. дис. на соиск. научной степени кандидат. филол. наук: 10.01.01. «Русская литература» / Б.Е. Ложкин. – Харьков, 2000. – 19 с.

7. Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») / О.С. Муравьева // Пушкин: Исследование и материалы. – Л.: Наука, 1991. – Т. 14. – С. 5-32.

8. Пушкин А.С. Рославлев [Текст] / А.С. Пушкин. Собр. соч.: В 6-ти тт. – Т. 5. – М.: Правда, 1989. – С. 69-79.

9. Шохина А.Н. Художественное воплощение исторического процесса в романах В. Скотта и М.Н. Загоскина: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец.: 10.01.03, 10.01.01 «Литература народов стран зарубежья» / А.Н. Шохина. – Н.-Новгород, 2010. – 234 с.

Анотація

О.В. Тарарак. «Рославлев» О.С. Пушкина та європейський наполеонівський міф.

В статті зроблена спроба показати особливості полеміки О.С. Пушкина із концепцією М.М. Загоскіна, що відтворена в його романі «Рославлев, або Руські в 1812 році» як один з проявів сприйняття європейського наполеонівського міфу. Саме цей аспект, на наш погляд, надає можливість бачити реакцію самого М.М. Загоскіна на настрої в Росії того часу щодо Наполеона, відновлені через призму нових соціокультурних реалій, та його позицію в суспільно-політичних спорах 1830-х рр. Інакше кажучи, перед нами – два погляди на масштабну історичну подію, осмислену через приватне життя, та визначаючих специфічні ціннісні установки. Їх аналіз допомагає судити й про долі романтичної та реалістичної реакції на міфологізацію героя. Поет надає особисту, руську відповідь на міф про героя, виказуючи байдужість до бонапартизму та увагу до проблеми індивідуалізму. Руська література в творах своїх кращих та другорядних письменників опрацьовує той чи інший бік пушкінського ставлення до європейського наполеонівського міфу.

Ключові слова: наполеонівський міф, наполеонівська легенда, офіційна народність, пародія.

Аннотация

А.В. Тарарак. «Рославлев» А.С. Пушкина и европейский наполеоновский миф.

В статье предпринята попытка показать особенности полемики А.С. Пушкина с концепцией М.Н. Загоскина, воплощенной в его романе «Рославлев, или Русские в 1812 году» как одно из проявлений восприятия европейского наполеоновского мифа. Именно этот аспект, на наш взгляд, дает он возможность видеть и реакцию самого М.Н. Загоскина на настроение, царившие в России по отношению к Наполеону, воссозданные сквозь

призму новых социокультурных реалий, и его позицию в общественно-политических спорах 1830-х гг. Говоря иначе, перед нами – два взгляда на масштабное историческое событие, осмысленное через частную жизнь, и определяющих специфические ценностные установки. Их анализ помогает судить и о судьбах романтической и реалистической реакции на мифологизацию героя. Поэт дает собственный, русский ответ на миф о герое, обнаруживая равнодушие к бонапартизму и внимание к проблеме индивидуализма. Русская литература в произведениях своих лучших и второстепенных писателей разрабатывает ту или иную сторону пушкинского отношения к европейскому наполеоновскому мифу.

Ключевые слова: наполеоновский миф, наполеоновская легенда, официальная народность, пародия.

Summary

O. Tararak. Pushkin's «Roslavlev» and the European Napoleonic myth.

We made an effort in our article to show the singularity of Pushkin's polemic with the Zagoskin's conception, which is embodied in his novel «Roslavlev, or the Russians in 1812» like one of the manifestations of the European Napoleonic myth perception. We think, that this aspect gives a possibility to look at the reaction of M. Zagoskin himself on the opinions about Napoleon in Russia at that time, which were reconstructed through the prism of new sociocultural realities, and his position in social-political debates in 1830s. We can see two points of view on the big historic event, which is comprehended through the private life and which determines the axiological suggestions. The analysis of them helps us to speak about the fates of romantic and realistic reaction on the mythologization of the hero. The poet gives his own Russian answer to the myth of the hero being indifferent to Bonapartism and paying attention to the problem of individualism. Russian literature turns to one or another side of Pushkin's attitude to the European Napoleonic myth in the works of its best and secondary authors.

Key words: Napoleonic myth, Napoleonic legend, established nationality, parody.